

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Майкл ХАРИНГТОН

Революция сверху *

Сталин был создателем новой формы классового общества, которую я назвал бы бюрократическим коллективизмом. При нем государство владеет средствами производства, а верхушка партийной бюрократии владеет государством.

С помощью тоталитаристских методов эта верхушка может изымать прибыль у непосредственных производителей, чтобы вкладывать ее в модернизацию промышленности и оплачивать собственные привилегии. Это делается «во имя социализма:», но в основе лежит углубляющееся отчуждение от политической власти рабочих и крестьян.

Необходимо сделать оговорку, что такое общество не является исключительно российским феноменом. Оно может быть построено маоистами, ненавидящими Москву, или даже националистами, преследующими коммунистических лидеров. Иными словами, оно выражает структурную тенденцию современной жизни, возможную во всех тех странах, которые вынуждены искать некапиталистический либо антикапиталистический путь модернизации (и даже в развитых капиталистических странах).

Исторические обстоятельства, породившие сталинизм, достаточно ясны. После смерти Ленина все более очевидным становилось, что Россия не дожидается революций в Европе, которые спасли бы ее от отсталости. Поощрение капитализма в деревне угрожало подорвать антикапиталистические основы режима и во всяком случае не обеспечивало достаточно средств для накопления и индустриализации. Социализм был невозможен, а восстановлению капитализма сопротивлялся правящий режим. Что же оставалось делать? Ответ Сталина был: «строить социализм

в одной стране».

В период между смертью Ленина (1924 г.) и крахом Троцкого (1928 г.) «социализм в одной стране» означал политику поощрения капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Троцкого и его сторонников обвинили в антикрестьянских замыслах на том основании, что они предлагали провести индустриализацию страны за счет эксплуатации деревни. Разгромив троцкистов, Сталин перенес удар на своего бывшего союзника Бухарина, выступавшего за постепенный, в течение длительного времени, переход к социализму.

Пока Сталин боролся с Бухариным, Троцкий, не способный представить себе иную альтернативу, нежели капитализм или социализм, совершил огромную, роковую ошибку. Троцкий видел для России лишь два пути:

* Окончание. Начало см. «ОНС», № 3, 1991.

либо вперед, к социализму, либо назад, к капитализму. А поскольку Бухарин был в партии авторитетнейшим сторонником частной собственности крестьян, он и представлял собой главную опасность, воплощая тенденцию возврата к капитализму. Поэтому при всех своих острейших разногласиях со Сталиным Троцкий не видел возможности блока с Бухариным против Сталина и даже готов был поддержать Сталина в этом противоборстве. До самой своей гибели от рук убийцы Троцкий был заиклен на своей альтернативе: либо социализм, либо капитализм. Между тем Сталин уже приступил к проведению революции, которая была антикапиталистической и антисоциалистической одновременно. Он был почти провидцем, говоря о беспрецедентном характере своих дел.

В 1929 г. Сталин начал «ликвидировать» кулачество как класс. Позднее в лично им отредактированном «Кратком курсе истории ВКП(б)» он назовет это глубоко революционным скачком к качественно новому состоянию общества, сравнимым с Октябрьской революцией 1917 года. По-моему, сказано точно, но довольно опрометчиво. Ведь если Октябрьская революция передала власть от буржуазии рабочим, в чем же тогда состоял качественный скачок 1929 года? Сталин ответил бы, что это был гигантский шаг вперед к созданию основ для построения социализма в одной стране. Но я бы истолковал его марксистский язык буквально: действительно, речь шла именно о новом качестве, поскольку это был важный момент экспроприации остатка политической власти у рабочих и крестьян и поворота к новой форме классового общества.

Почти тут же в тексте учебника Сталин допускает новую оплошность, говоря, что отличительной чертой этой революции является то, что она *совершена сверху, по инициативе государства*, и непосредственно поддержана снизу миллионами крестьян, которые боролись против гнета кулаков, за свободную жизнь в колхозах. Сегодня заключительная часть этой сентенции выглядит чистым вымыслом. Но еще более примечательно, что Сталин и сам характеризует происшедшее как совершенное сверху, по инициативе государства. Ведь в марксистской литературе понятие «революция сверху» имеет совершенно однозначный смысл. Это определение действий Бисмарка, когда он при отсутствии сильной буржуазии провел модернизацию и объединение Германии контрреволюционным путем, включившим при случае меры, демагогически названные «социалистическими», в том числе национализацию некоторых отраслей промышленности. Ленин употреблял это выражение именно в таком смысле. Теперь можно только догадываться, почему Сталин использовал столь многозначачее понятие для констатации своих побед. Но оно, бесспорно, освещает, вскрывает, проясняет то, как сильно Сталин не просто ревизовал марксизм, но как далеко отошел от него. Маркс в разные моменты своей жизни по-разному оценивал неизбежность революции и степень развития революционного самосознания рабочих. Но он никогда не отступал от положения, что освобождение рабочего класса должно быть делом рук самого рабочего класса.

Ленин близко подошел к бланкистскому образцу диктатуры пролетариата, при котором государство не выражало волю большинства, но творило свою волю. Но тогда же дал понять, что это соответствует единственным, исключительным условиям тогдашней России. Однако Сталин воспользовался этим прецедентом, чтобы искоренять малейшие ростки народовластия. В 1926 г. он заявил, что партия не может делить руководящую роль с другими партиями и поэтому не потерпит в своих рядах фракций, которые лишь отражали бы различные недопустимые влияния извне.

И вот, когда Сталин затеял свою революцию сверху, вокруг не раздано

лось ни протестов, ни критики. Точнее, протесты и критика приняли такие формы, которые оказались пагубными для советских людей.

Катастрофа для народа и для сельского хозяйства была вызвана свирепой войной против крестьянства, которая не имеет разумного объяснения во всей марксистской литературе. Энгельс в свое время утверждал, что кооперация в сельскохозяйственном производстве при социализме будет развиваться под воздействием не силы, а примера и получит поддержку общества. Основоположники марксизма даже предусматривали выплату компенсаций крупным землевладельцам и промышленникам за их собственность. А Ленин в последние годы жизни видел в союзе с крестьянством одну из предпосылок победы революции.

Однако впоследствии Сталин с методической жестокостью совершил не ту революцию, какая была задумана Лениным. При капитализме накопление капитала, индустриализация и централизация производства ведут от конкуренции частных производителей (часто при щедрой помощи государства) к монополизации. В России не было такой капиталистической модернизации и поэтому не было экономической базы для социализма. Партия, используя свою тоталитарную власть, произвольно устанавливая цены, смогла изъять огромные средства у трудящихся и направить их частично на обеспечение собственных привилегий, частично на индустриализацию страны.

Был извращен сам принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду», провозглашенный Сталиным как основополагающий. Средний горожанин, даже если он демонстрировал выдающиеся способности и хорошо работал, был низкооплачиваемым. В то же время номенклатура оплачивалась очень высоко, порой чрезмерно, даже не проявляя никаких особых способностей.

Существование такой элиты — признак классового общества. И несомненно, сейчас уже есть достаточно оснований для того, чтобы объяснить сталинизм с помощью марксистского определения «сокровенной тайны» функционирования общества — способа выкачивания прибыли у непосредственных производителей. После этого все абсурдные и абсолютно немарксистские объяснения сталинизма, выдвигаемые коммунистическими лидерами — что Сталин совершал «ошибки», что целое поколение кровавой истории пало жертвой «культы личности», — не выдерживают критики.

В России распределение прибыли осуществляется бюрократией и контролируется тоталитаристскими методами. В течение десятилетий гигантски рос национальный доход, но потребление увеличивалось не так стремительно, как производство. Огромные средства вкладывались в тяжелую промышленность и в привилегии правящего класса. Возрастала неоплачиваемая доля рабочего времени трудящихся, их уровень жизни постепенно снижался. В Советском Союзе построено эксплуататорское общество в прямом, марксистском значении этого понятия.

Советские партийные лидеры при этой системе имеют свои автомобили, дачи, заграничные поездки не потому, что они богаты, — все это обеспечивается их политическим положением в бюрократической иерархии. Надо подчеркнуть, что классовые привилегии бюрократии не просто несправедливы в абстрактном смысле. Они способствуют формированию самой структуры общества. Например, в конце 50-х годов 75% студентов МГУ были детьми служащих, 20 — рабочих, 5 — крестьян, хотя служащие составляли всего 20% населения, тогда как рабочие — 48, а крестьяне — 31%.

Породивший эту структуру тоталитаризм не был результатом злой воли Сталина, это был ключевой рабочий элемент системы. Поскольку государственный аппарат и новый правящий класс составляют одно целое, этот последний становится всепроникающим. При капитализме забастовка

в частной компании не является актом предательства. Конечно, правительство часто «во имя закона и порядка» встает на сторону бизнеса, но ему не приходится каждый всплеск классовой борьбы рассматривать как революционную опасность. В советской же системе экономическое и политическое руководство — суть одно и то же. Если бы правительство допустило забастовку или появление настоящего сколько-нибудь независимого профсоюза, это означало бы, что оно позволило появиться альтернативному источнику политической власти. А поскольку политическая власть в этой системе является средством, поддерживающим экономический и общественный порядок, это означало бы санкционировать революцию.

Чудовищные «успехи» Сталина действительно могли стать основой коренного противоречия современного советского общества. С помощью насилия и «чисток» удалось ограбить народ и заложить базу для индустриализации. Но современное индустриальное общество не может эффективно развиваться под дулами пушек, даже если ими командует десталинизированная гвардия. Оно нуждается в некоторой открытости и доступе к информации, по крайней мере элиты. Так сталинская бюрократическая централизация, после того как была создана развитая технологическая структура, стала препятствием для дальнейшего экономического роста. Советский *способ производства*, тоталитарный бюрократический коллективизм вошел, таким образом, в противоречие со *средствами производства* — развитой технологией. Именно этим объясняются вялость и бессмысленность советской экономики 60-х годов и требования относительной самостоятельности со стороны некоторых прозорливых представителей бюрократии.

Но это вовсе не означает, что бюрократия в СССР собирается отречься от власти. Парадоксально, но именно в процессе десталинизации, начатом в 1956 г., стали видны жесткие рамки реформирования системы. Диктатор подвергся критике за свои «злоупотребления», особенно за репрессии в отношении членов партии и номенклатуры. Однако коммунисты не могли допустить, чтобы был проведен истинно марксистский анализ того, каким образом их покойный безумный вождь сумел подчинить себе целый народ в течение десятилетий и создать новую форму общества. Это вызвало бы к жизни коренные, революционные вопросы, касающиеся глубинных основ строя. Бюрократия, по выражению М. Шацмана, восхищалась Сталиным за то, что он поставил ее над массами, и ненавидела его за то, что он сам возвысился над ней. На основании второго она могла позволить себе критику Сталина, на основании первого — должна была его почитать.

Именно поэтому Н. Хрущев тщательно ограничил свои нападки на бывшего соратника. По его словам, Сталин играл прогрессивную роль вплоть до XVII съезда партии в 1934 г., т. е. революция сверху, начатая в 1929 г., и последующие репрессии Хрущевым одобрялись. Согласно Хрущеву, Сталин лишь на XVII съезде резко повернул против старых большевиков, включая многих, кто его поддерживал, и здесь начались его «ошибки». Однако даже такая весьма умеренная критика показалась бюрократии чрезмерной. В 1964 г. Хрущев был сброшен и началась ресталинизация.

Академик Сахаров писал о справедливости утверждений, что политические проявления сталинизма представляли собой своего рода надстройку над экономическим базисом, принявшую форму антиленинского псевдосоциализма, который привел к образованию в СССР ярко выражен-

ного класса — бюрократической элиты. Он отметил, что в такой интерпретации есть определенная (но не вся) правда.

В некоторых коммунистических странах у истоков освободительного движения стояли студенты и интеллигенция: в 1956 г. в Польше, в том же году в Венгрии, в 1967—1968 гг. в Чехословакии. Причины достаточно очевидны: для этих людей интеллектуальная свобода — жизненная потребность, поэтому они наиболее остро ощущали на себе гнет тоталитаризма. Однако эти движения стали эффективными только тогда, когда установили связи с рабочим классом.

Итак, коммунизм сегодня не представляет собой реальной исторической альтернативы капитализму. Но, по иронии, это самозванное якобы марксистское общество проложило путь антисоциалистическим вариантам будущего. Коммунизм, бесспорно, является антиподом капитализма, и поэтому на Западе среди левых находятся такие, которые считают, что любая критика коммунизма играет на руку правящему классу их стран и означает предательство. Чаще всего эти люди утверждают, что, как бы то ни было, основное направление движения коммунистического общества — верное (и прежде всего национализация средств производства), а вероломные бюрократы лишь временно узурпировали власть народа.

Я бы поставил вопрос так. Там, где государство владеет средствами производства, главное заключается в том, кто владеет государством. Народ может владеть государством только в одном случае: если он имеет полное право и полную свободу менять его политику и его аппарат. Поэтому в национализированной экономике отчуждение от политической власти не является досадной случайностью, свойственной «надстройке»; оно определяет социально-экономическую основу общества, обеспечивает классовое господство тем, кто владеет государством, владеющим средствами производства. В России первой половины XX в. буржуазия оказалась неспособной к модернизации и эту функцию выполнила партия-государство, которая трансформировалась в бюрократическую коллективистскую власть. В Китае и других странах третьего мира после второй мировой войны шли сходные процессы. И в развитых капиталистических странах есть возможность перехода от капитализма не к социализму, а к бюрократическому коллективизму.